

Е.А. Макарова

Иркутский государственный педагогический университет

**Субстантивированное прилагательное *новое*
как средство лексической экспликации
концепта *время* в романе
Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»**

Аннотация: Статья посвящена исследованию специфики функционирования окказионального субстантивированного прилагательного *новое*, репрезентирующего художественный концепт *время* в дискурсе главного персонажа романа Б.Л. Пастернака – Юрия Живаго.

The article is devoted to the research of specific functioning of occasional substantivized adjective *new* representing the artistic concept *time* in the main character discourse of the B.L. Pasternak's novel – Yuri Zhivago.

Ключевые слова: художественный текст, художественный концепт, дискурс, субстантивированное прилагательное, категория времени, текстовые смысловые парадигмы, текстовое ассоциативно-семантическое поле, текстовые лексико-тематическое группы.

Artistic text, artistic concept, discourse, substantivized adjective, category of tense, meaning content paradigms, textual associative-semantic field, textual lexical-thematic groups.

ББК 81.2 Рус, 021; М 15.

Контактная информация: Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9. ИГПУ, кафедра русского языка, методики и общего языкознания. Тел. (3952) 202143. E-mail: rusigpu@mail.ru.

Проблема определения природы частей речи и их функциональных свойств в тексте продолжает оставаться актуальной и в наше время в связи с развитием когнитивного направления в лингвистике, когда в центре внимания оказались вопросы о том, как внеязыковая действительность отражается в языковой семантике, то есть проблемы взаимосвязи языковой семантики и концептуальных систем, которыми оперирует человеческое сознание.

В соответствии с новыми подходами части речи в современной лингвистике рассматриваются как особые когнитивно-дискурсивные образования [Кубрякова, 1997, с. 6], отражающие, с одной стороны, особенности восприятия и осмысления мира нашим сознанием, а с другой – служащие для выполнения закрепленных за ними функций в составе высказывания и текста.

Данная трактовка частей речи строится на выделении двух главных парадигм научных знаний, характеризующих современное состояние лингвистики, – когнитивной и коммуникативной. Когнитивный аспект состоит в понимании частей речи как проекций в мир языка разных по своей сути или по восприятию их человеком объектов действительности, из которого неизбежно вытекает, что в частях речи находят свое отражение особенности познания и фиксации различных сторон действительности тем или иным языковым коллективом. В связи с этим слово как часть речи не только «имеет свои собственные характеристики: свою грамма-

тику, свой словообразовательный потенциал, свою идиоматику и, что первостепенно важно, свои правила и законы взаимодействия с другими классами» слов [Шведова, 1995, с. 410], но и объективирует стоящий за ним концепт, отражает те структуры знания, для репрезентации которых он и был создан. **Концепт** при этом мыслится базовой единицей концептуальной картины мира, той идеальной сущностью, «которой человек оперирует в процессах мышления и которая отражает содержание опыта и знания субъекта» [КСКТ, 1996, с. 90].

Поскольку части речи предназначены для передачи информации о мире в человеческой коммуникации, то немаловажной функцией частей речи является их участие в построении и организации **дискурса**, под которым понимается «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136–137].

Таким образом, с когнитивно-дискурсивной точки зрения слово как часть речи выступает в качестве основного средства вербализации концептов, в его семантической структуре отражены не только разного типа знания о мире, но и результаты различных дискурсивных практик носителей языка, что объясняется когнитивной природой дискурса как одного из возможных миров со своим «лексиконом» и «правилами словоупотребления» (Ю.С. Степанов).

Подход к частям речи с позиций когнитивно-дискурсивных углубляет и развивает традиционное понимание частей речи как лексико-грамматических образований, придает им новое расширенное толкование, что немаловажно для изучения функционирования отдельных номинативных классов слов (в том числе и субстантивированных прилагательных) в художественном тексте, представляющем собою специфическую форму коммуникации.

Традиционно под *субстантивацией* прилагательных понимается образование существительных, структурно и семантически мотивированных прилагательными, с использованием в качестве словообразовательного форманта окончаний прилагательного (парадигма одного из грамматических родов или только множественного числа); при этом какие-либо дополнительные формальные отличия мотивированного от мотивирующего отсутствуют. Ср.: *дежурный* солдат → *дежурный*, *детская* комната → *детская*, *сладкое* блюдо → *сладкое*, *прохладительные* напитки → *прохладительные* и пр.

Субстантивированные прилагательные – синкретичная лексико-грамматическая категория, семантические признаки которой обуславливают ее позицию в системе классов слов как единиц языка, образующих его лексический уровень. С этим и связаны функциональные ориентиры их употребления в художественном тексте, дающие возможность выявить когнитивный и коммуникативный потенциал слов данного номинативного класса.

Лингвистический статус субстантивированных прилагательных обусловлен тем, что они возникают в результате межкатегориального перехода языковых единиц из класса признаков слов в класс предметных слов и несут в своей семантике «отпечатки» этой перекатегоризации. Субстантиваты совмещают в одном языковом знаке свойства концептуальных структур двух классов – существительных и прилагательных, являются результатом когнитивного расчленения целостного фрагмента внеязыковой действительности на составные части, вследствие чего образуются признаковые и предметные номинации, объединенные под «крышей» одного знака.

Способы концептуализации сближают субстантивированные прилагательные с классом имен существительных. В то же время субстантиваты обнаруживают

черты сходства с «исходными» единицами – классом прилагательных: они обозначают *стабильные совокупности свойств*, присущие тем или иным объектам. Однако признак, обозначенный мотивирующим прилагательным, в этом случае мыслится уже не как характеристика какого-либо предмета, а как выделенная сознанием самостоятельная сущность, как отдельный концепт, при этом именуемый его субстантиват является не знаком чьего-либо свойства, а знаком самой субстанции, неотделимой от данного свойства, и обозначает не **признак** предмета, а **предмет**, обладающий соответствующим признаком.

Семантическая структура субстантивированных прилагательных отражает двойную способность нашего сознания – обобщать и индивидуализировать, в результате чего субстантиваты представляют в грамматической форме прилагательного «неопределенную» сущность – «свернутую пропозицию», или опредмеченный признак. Субстантиваты являются продуктом вторичной номинации, органично сочетают в себе свойства двух взаимодействующих систем языкового членения, каждая из которых соотносится с разными типами знаний о мире и по-разному участвует в его категоризации, что и обуславливает в свою очередь богатство их семантики по сравнению с ядерными единицами языка.

Таким образом, субстантивация прилагательных – это сложный способ номинации и категоризации предметов и явлений объективного мира, процесс установления связи между «опредмеченным» признаком и языковым знаком, то есть, в конечном счете, это «когнитивный акт, позволяющий проникнуть в тайны механизма взаимодействия жизни и языка» [Вендина, 1999].

В художественном тексте в силу его коммуникативной природы роль субстантивации еще более возрастает, что обусловлено семантической емкостью субстантивированных прилагательных как синкретичных образований, в категориальном значении которых совмещаются два семантических компонента: признаковый и субстантивный. Так, в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», жанрово-стилевая принадлежность которого трактуется как своеобразный автобиографический «роман-эпопея, роман – лирическое стихотворение» [Лихачев, 1990, с. 182], субстантивированное слово приобретает особую когнитивную значимость и бытийную силу, что и находит свое отражение в структуре как персонажной, так и неперсонажной речи, обнаруживая своеобразие индивидуально-авторской манеры осмысления мира и времени.

Предметом рассмотрения в предлагаемой статье является специфика функционирования окказионального субстантивированного прилагательного *новое*, репрезентирующего художественный концепт *время* в дискурсе главного персонажа романа Б.Л. Пастернака – Юрия Живаго.

Категория времени – важнейшая универсалия человеческого бытия и обязательный атрибут семантического пространства художественного текста. В различных системах знания, накопленных человечеством, существуют разнообразные представления о времени: бытовое, обыденное, физическое, философское, грамматическое время и пр. Множественность подходов к выявлению феномена времени детерминирует неоднозначность его толкования.

Традиционно считается, что в культурном сознании носителей языка сложилось два представления о времени: времени *циклическом* (последовательности однотипных событий, вращении по кругу, восходящему к сезонным циклам) и времени *линейном* (однонаправленном поступательном движении событий, имеющих начало, конец, эволюцию, развития). В лингвокультурологических исследованиях выделяют еще один тип времени – время *разом данное*, «когда “настоящее”, “прошлое” и “будущее” мыслятся как бы разом, одновременно данными сознанию человека и одновременно присутствующими в определенной его действительности» [Степанов, 2001, с. 119].

В наивной картине мира человека время антропологизируется, присваивается человеческим сознанием и предстает как время жизни человека, этноса, социума, сближаясь с периодами их жизненного существования. И если пространство репрезентируется разного рода вещами и объектами, то время характеризуется событиями, их развитием и последовательностью. Вследствие этого понятие времени включает в свой состав два основных концептуальных смысла: а) период, разделяющий два события; б) непрерывное изменение, переход от прошлого к настоящему и от настоящему к будущему.

Будучи ментальным образованием, отражающим фрагмент картины мира, концепт *время* имеет обязательное языковое воплощение: это прежде всего формы времени глагола, а также синтаксические конструкции, лексические средства темпоральной семантики.

Один из возможных путей реконструкции концепта – анализ словарных дефиниций, узусного значения слова как имени концепта. Так, толковые словари отмечают у леммы *время* следующее основное значение: «1. Длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемая веками, годами, часами, минутами и т.п.» [МАС, 1981, I, с. 227]. Таким образом, семантическими составляющими концепта *время* являются компоненты «длительность», а также «мера длительности».

В художественных текстах семантизация указанных смыслов находит своеобразное преломление, поскольку *текстовое художественное время* моделирует не реальный, а «возможные» миры, отличаясь от реального хронологического времени своей многомерностью и образностью, что связано с презентацией художественного концепта. Под *художественным концептом* нами понимается индивидуально-авторское осмысление общих ментальных сущностей, получающее свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений того или иного автора с помощью оригинальных (в основном – образных) средств вербализации.

Специфика текстового времени проявляется в том, что оно выступает как «категория креативная» и перцептуальная, время в тексте – «объемное построение автора-перцептора» [Золотова, 1997, с. 38], так как оно воспринимается и воспроизводится субъектом расчлененно и с возможным нарушением хода реального хронологического времени. В соответствии с творческим замыслом автор может укрупнить те события, которые он считает ключевыми, и, наоборот, компрессировать, сжимать события менее важные. Текстовое время, следовательно, субъективно, оно противопоставлено времени объективному, так как «время объективное – мера движения внешнего мира (астрономическое, биологическое, социальное время). Субъективное время – мера сознания, понятого как процесс. В художественном тексте объективное время представлено констатацией факта..., а субъективное – его восприятием» [Чернейко, 1997, с. 127].

Субъективная природа текстового времени обусловлена точкой зрения наблюдателя (автора, персонажа), в ее экспликации участвуют самые разные лексические средства, в том числе и субстантивированные имена прилагательные. В смысловой структуре таких синкретичных языковых знаков, как субстантивированные прилагательные, субстантивный компонент может осложняться различными рода коннотациями, в том числе и темпорального характера, что и создает возможности для использования субстантивов в качестве лексических средств, эксплицирующих личностно ориентированное восприятие времени внутритекстовым субъектом.

Уже предварительные наблюдения над текстом романа Б. Пастернака дают основание для утверждения о том, что субстантивные дериваты имен прилагательных имеют текстовую природу, которая придает им статус особых языковых знаков, ориентированных в семантическом пространстве текста на тот или иной

говорящий субъект. В художественном тексте, представляющем собой специфическую форму коммуникации, в качестве внутритекстового субъекта может выступать персонаж.

Анализ речевого портрета главного героя романа Б. Пастернака – Юрия Живаго чрезвычайно важен, поскольку роман имеет сложную, «двусубъектную» структуру повествования, в нем, кроме автора, в роли «сопоставителя» выступает главный персонаж, а все изображенные в романе события пропущены сквозь призму его высокой интеллектуальности и личные впечатления, всегда обостренные. Одним из средств вербализации этого личностного отношения к действительности становятся в речи Ю. Живаго субстантивированные прилагательные, что связано со спецификой их семантики, способностью «предметно» означать те или иные смысловые признаки художественных реалий. Роль отдельных классов слов, представленных в тезаурусе персонажа как языковой личности и входящих в состав его текстовой лексической парадигмы, недостаточно изучена. Не были в этом аспекте объектом изучения и субстантивированные прилагательные. А между тем в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» насчитывается более 650 случаев употребления субстантивированных прилагательных, большая часть которых функционирует в персонажной субъектной сфере.

Сказанное в первую очередь относится к **окказиональным субстантивам** – лексическим единицам, которые прошли лишь начальную стадию преобразования в класс предметных слов, не стали еще фактом языка, а являются элементами конкретных текстовых систем и служат целям решения определенных текстовых задач, что и подтверждается анализом текстов, продуцируемых главным героем исследуемого романа.

Составляя основу лексической структуры текстовых фрагментов, соотносящихся с персонажной субъектной сферой, окказиональные текстовые субстантиваты выступают как одно из средств экспликации категории «текстовой самореализации персонажа» [Степанов, 2002, с. 7], представляющей персонаж не только как внутритекстового субъекта речи, но и как носителя определенных типов сознания. Анализ речевой партии Юрия Живаго позволяет говорить о сложной, динамической структуре сознания главного персонажа романа Б. Пастернака, через многомерное восприятие действительности которого автор выражает свое отношение к миру, описывает происходящее, излагает события и осуществляет осмысление и оценку изображаемого. Стремление автора в образе Живаго быть нейтральным в изображении исторических событий, все замечать, видеть, слышать, но при этом не навязывать читателю собственного мнения, не делать каких-либо логических заключений определяет особенности главного персонажа как субъекта рефлексии, выражающего и авторскую точку зрения. Главный герой воспринимает эпоху такой, какова она есть, не пытаясь влиять на нее и не вмешиваясь в ход событий, он приемлет мир, каким бы он ни был жестоким в данный момент.

Специфика восприятия героем окружающего мира нашла отражение и в языке персонажа. Главным способом постижения действительности для Юрия Живаго становится ее образно-философское осмысление и концептуализация с помощью языковых единиц, способных воплощать неоднозначность его личностного отношения к новой реальности. Одним из таких языковых средств, маркирующих лексическую «тему» персонажа, в романе являются субстантивированные прилагательные преимущественно окказионального характера, в силу синкретизма своей семантики выступающие выразительными названиями-характеристиками новых реалий в модели мира персонажа, смысловую основу которой составляет оппозиция *новое – старое* (знаменательно, что одна из глав анализируемого романа называется «Прощание со старым»).

Слово-тема *новое* является одной из ключевых в речемыслительной деятельности главного героя. Сам по себе субстантиват «новое» не является лексическим

новообразованием, однако необходимо отметить, что системную лексикографическую интерпретацию получили не все, а лишь несколько узусных субстантивов среднего рода, образованных в результате межкатегориальной транспозиции от разных ЛСВ данного полисемантического прилагательного. Ср.: *Новый* – «б. в знач. сущ. новое, -ого, ср. То, что недавно возникло, появилось. Чувство *нового*. Борьба *нового* со старым. 7. в знач. сущ. новое, -ого, ср. То, чего не было, что-либо вновь открытое, обнаруженное, услышанное и т.п. Поиски *нового*. Открытие *нового*. В газетах много *нового*» [МАС, 1982, II, с. 505].

Кроме того, в художественных текстах рассматриваемое прилагательное формирует окказиональный субстантиват среднего рода с еще одним, не зафиксированным в словарях значением: «одежда, одеяние, характеризующееся определенным признаком». Например: «...За нею шел Лубков, одетый во все *новое* и широкое, купленное, вероятно, в Вене» (А. Чехов. Ариадна).

Семантическое наполнение слова-темы *новое* в дискурсе главного персонажа романа Б. Пастернака отличается как от общеязыкового, так и упомянутого текстового употребления. Говоря о функционировании в сознании персонажа лексемы *новое*, мы имеем в виду семантический окказионализм, связанный с внутритекстовой мотивированностью его значения.

Восстановим текстовое значение слова-темы *новое*, которое ассоциируется в сознании Юрия Живаго с глобальными изменениями в общественной и духовной жизни России, в судьбах русского народа и его собственной судьбе, коррелируя в смысловом отношении с его представлениями о *старом* – прежней налаженной жизни. Показательны в этом отношении следующие фрагменты текста романа, в которых когнитивная значимость *нового* подчеркивается употреблением лексемы *новое* в разном грамматическом значении: то в роли субстантивата (1, 2), то прилагательного – предикатива (3, 4):

«Один круг составляли мысли о Тоне, долге и прежней налаженной жизни...

(1) В этот круг, родной и привычный, входили также признаки *нового*, те обещания и предвестия, которые показались на горизонте перед войной, между двенадцатым и четырнадцатым годами, в русской мысли, русском искусстве и русской судьбе, судьбе общероссийской и его собственной, Живаговской...

(2) *Новое* было также предметом мыслей второго круга, но настолько другое, настолько отличное *новое*! Это было не свое, привычное, старым подготовленное новое, а произвольное, неотменимое, реально предписанное *новое*, внезапное, как потрясение.

(3) Таким *новым* была война, ее кровь и ужасы, ее бездомность и одичание. Таким *новым* были ее испытания и житейская мудрость, которой война учила. Таким *новым* были захолустные города, куда война заносила, и люди, с которыми она сталкивала. Таким *новым* была революция, не по-университетски идеализированная под девятьсот пятый год, а эта, нынешняя, из войны родившаяся, кровавая...

(4) Таким *новым* была сестра Антипова, войной заброшенная Бог знает куда... Таким *новым* было честное старание Юрия Андреевича изо всех сил не любить ее, так же как всю жизнь он старался относиться с любовью ко всем людям, не говоря уже о семье и близких».

В анализе смыслового содержания слова-темы *новое* особого внимания заслуживают объединения слов, «разворачивающиеся» по принципу поля вокруг данной ключевой номинации и тематически (семантически, ассоциативно) с ней связанные. Эти текстовые тематические объединения, или **текстовые лексико-тематические группы** (ТЛТГ), дают возможность «восстановить» определенный участок картины мира личности, а также выявить основные средства его лексической экспликации.

Как показали наблюдения, вокруг слово-темы *новое* в лексико-семантическом пространстве приведенного фрагмента образуется локальное текстовое ассоциативное поле, включающее следующие словные и сверхсловные лексические единицы: *обещания и предвестия, в судьбе, другое, настолько отличное новое, не свое, произвольное, неотменимое, реально предписанное, внезапное, потрясение, война, кровь, ужасы, бездомность, одичание, испытания, житейская мудрость, захолустные города, люди, революция...*, которые и формируют основные ТЛТГ, связанные в дискурсе персонажа с осмыслением *нового*: «предвестия», «судьба», «война», «люди», «революция», «любовь», «время».

Таким образом, смысл субстантивата *новое* в лексиконе Юрия Живаго, безусловно, коррелирует с отмеченным выше словарным значением «то, что недавно возникло, появилось» [МАС, 1982, II, с. 505], но оказывается существенно богаче в результате актуализации внутритекстовых ассоциативных связей слова, которые включают как темпоральный, так и качественный компоненты. При этом в речи персонажа у субстантивата ведущим становится темпоральный компонент. *Новое* характеризует актуальное для него состояние мира. Оно определяет объекты и события по признаку времени их вхождения в бытие и сознание главного персонажа как субъекта перцепции и рефлексии. Наиболее отчетливо семантический потенциал субстантивата проявляется в текстовой перспективе, обуславливающей его «предметное» и «признаковое» наполнение. Как писал Ю.М. Лотман, «отдельность элементов текста теряет абсолютный характер: каждый из них реализуется лишь в отношении к другим элементам, к структурному целому всего текста» [Лотман, 1972, с. 11]. Так, под влиянием референтных ассоциаций у анализируемого субстантивированного прилагательного возникает ряд дополнительных микросмыслов: *новое* – это «обещания и предвестия в русской мысли и русской судьбе, а также Живаговской судьбе» в период между двенадцатым и четырнадцатым годами (перед первой мировой войной); *новое* – «война, ее кровь и ужасы»; *новое* – «нынешняя кровавая революция» (т.е. Октябрьская революция); *новое* – «сестра Антипова» и любовь к ней. Средством вербальной экспликации этих смыслов в персонажной речи является внутрисловная текстовая парадигма окказионального типа, включающая в свой состав новые элементы, обусловленные «расширением» системного значения мотивирующего прилагательного – полисеманта за счет текстовых ассоциаций экстралингвистической ориентации, под воздействием которых семантика субстантивата приобретает собственно текстовую мотивировку, наполняясь конкретным содержанием, связанным с воплощением в тексте определенных ситуаций и обозначением реальных действительности. Формирование таких парадигм отражает «естественную» текстовую системность, проявляющуюся через все многообразие ассоциативно-смысловых связей слов.

В текстовом ассоциативно-семантическом поле субстантивата *новое* обнаруживается еще одна межсловная смысловая парадигма, демонстрирующая оценочные реакции субъекта: *новое – другое, не свое, произвольное, неотменимое, реально предписанное, внезапное, потрясение*, которая и является эмоциональным лейтмотивом в восприятии новой реальности главным персонажем романа.

Итак, анализ лексической и семантической структуры текста персонажа позволяет утверждать, что слово *новое* в лексиконе Юрия Андреевича Живаго приобретает философски значимый смысл: «то, появление чего невозможно отменить; то, что не зависит от воли человека» и, становясь в этом значении ключевой номинацией, определяет лингвокогнитивный, тезаурусный уровень в структуре художественной модели персонажа как языковой личности.

«Единицей», клеточкой, из которых структурируется картина мира персонажа, в «Докторе Живаго» являются «переживания» героя, рефлексия переживаний. В «Докторе Живаго» мы встречаемся преимущественно с переживаниями героя,

которые, начавшись непосредственно с ощущения, чувства, погружаются в глубину его сознания, превращаются в воспоминания. Предметом «рефлексии переживаний» Живаго становится сам поток жизни, наполненный событиями. При этом необходимо помнить, что Живаго – поэт, поэтому его переживания – это, как правило, воспоминания-прозрения, воспоминания-откровения, что свидетельствует о его свободном, стихийном, творческом сознании.

Философская позиция Ю. Живаго, связанная с представлением о ценности человеческого существования самого по себе в мире, полном катаклизмов, в мире, где человек, как песчинка, захваченная бурей, не может ничего изменить, находит свое воплощение в качественной деятельности его сознания и предпочтительных способах ее вербализации. А ведь субстантивированные прилагательные – это и есть своего рода квалификация явления по характерным для него признакам, квалификация, в которой сущность предстает неотделимой от ее свойств. Вот почему в лексической презентации картины мира персонажа субстантиватам как смысловым конденсатам и синкретичным номинативным знакам отводится немаловажное место. Они служат средством концептуализации новых реалий нарождающегося мира по тем признакам, которые представляются их сущностными характеристиками, отражая вместе с тем и многомерность самой «новой» действительности, и ее оценок воспринимающим субъектом.

Анализ текстовых фрагментов, отражающих «рефлексирующее я» персонажа, позволяет говорить, что в картине мира Ю. Живаго модели времени и модели жизни сближаются. Окасиональный субстантиват *новое* и его текстовые ассоциаты репрезентируют не только личностный концепт *время*, но и являются одним из средств экспликации текстового гиперконцепта *жизнь*, с которым персонажный концепт находится в отношениях взаимной соотнесенности и обусловленности. Действительно, время, пространство, движение – вот тот треугольник жизни, в котором человек замкнут с момента своего рождения. Время в этом треугольнике становится символом самой жизни. «Время жизни» – своеобразный психологический феномен, который можно отнести к сфере самосознания человека. Такое «переживаемое и проживаемое время» и можно рассматривать как «другое название для жизни» [Яковлева, 1994, с. 85].

Как показывают наблюдения, время в романе Б. Пастернака – категория субъективная, время не констатируется, оно переживается, поэтому и для главного персонажа на первый план выступают не исторические события, данные в их хронологической последовательности, а время, происходящее под знаком личных событий. Однако в процессе осмысления этих событий, отражающих важные этапы «времени жизни» персонажа, происходит отторжение главного героя от конкретных признаков события, и физические сущности начинают включаться в ментальную сферу его восприятия, определяемую категориями духовности, памяти, мироздания как «осознаваемой» величины. Знаками этой новой ментальной сущности в дискурсе персонажа становятся прежде всего окасиональные субстантивированные прилагательные как синкретичные когнитивно-дискурсивные образования, способные обозначать «опредмеченные» признаки формирующихся реалий сознания главного героя. Субстантивированные прилагательные выступают в этом случае как «операторы описания разных миров и одновременных человеческих переживаний» [Ревзина, 1998]. В результате окасиональное слово воссоздает в тексте «новую реальность», т.е. «языковыми средствами создается акт экзистенциальный» [Левин, 1998, с. 394]. «Новая реальность», репрезентированная субстантивированными единицами, – это своеобразное языковое воплощение фрагмента индивидуальной концептосферы Юрия Живаго, врача и поэта, соединяющего в своем мировосприятии опыт, полученный в физическом мире, и духовные ценности мира внутреннего в одно целое, что и обуславливает его субъективное осмысление времени и жизни.

Жизнь человека для Ю. Живаго включается в нечто большее, превосходящее физическое время и физическое пространство, в другой масштаб измерения, в масштаб вечности. Ключевой для постижения художественного смысла лексемы *новое* становится следующая фраза главного героя: «Смерти не будет, говорит Иоанн Богослов, и вы послушайте простоту его аргументации. Смерти не будет, потому что прежнее прошло. Это почти как: смерти не будет, потому что это уже видали, это старо и надоело, а теперь требуется *новое*, а *новое есть жизнь вечная*».

В приведенном высказывании главного персонажа слово *жизнь* семантически сопрягается с понятиями *смерть*, *время*, *прежнее*, *новое* на основе реализации в тексте такого значения лексемы *жизнь*, как «4. Период существования кого-л.» [МАС, I, с. 484], что позволяет рассматривать слова *новое* и *жизнь* в роли текстовых семантических аналогов. *Новое* есть источник живого духа жизни, жизни как самого акта существования человека. В образе Юрия Живаго автор как раз и утверждает верховную власть и ценность жизни во всей ее спонтанности, случайности и первозданности. В связи с этим и пафос романа состоит в «возрождении» жизни, возврате героев к неким утраченным, но фундаментальным, даже первичным ценностям бытия.

Таким образом, анализ особенностей функционирования окказионального субстантивированного прилагательного *новое* в текстах главного персонажа исследуемого романа позволяет говорить о своеобразии «микроустройства» его языковой личности, доминирующими чертами которой являются развитое лингвокреативное мышление, языковое чутье и высокий уровень языковой рефлексии, обуславливающие специфику языкового воплощения модели мира персонажа, особенности интерпретации им времени и жизни как базовых концептов русской культуры и русского языкового сознания. Исследование субстантивированных прилагательных в когнитивно-дискурсивном аспекте существенно дополняет наши представления о системных качествах этого класса слов, дает возможность на конкретном текстовом материале показать роль субстантивированных прилагательных как лексических средств экспликации художественного концепта

Литература

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
- Вендина Т.И. Словообразование как способ дискретизации универсума // Вопросы языкознания. 1999. № 2.
- Золотова Г.А. Время в мире и в тексте // Категоризация мира: пространство и время. М., 1997.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. (КСКТ)
- Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1997.
- Лихачев Д.С. Размышления над романом Б.Л. Пастернака // С разных точек зрения. «Доктор Живаго» Бориса Пастернака. М., 1990.
- Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л., 1972.
- Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1998.
- Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981–1984. (МАС)
- Степанов С.П. Субъективация повествования и способы организации текста (на материале повествовательной прозы Чехова). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002.

- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
- Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Шведова Н.Ю. Глагол как доминанта в системе русской лексики // Филологический сборник (К 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова). М., 1995.
- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М., 1994.